

Наследие

Понедельник 9 сентября 2019 №162/П (6642 с момента возобновления издания)

spb.kommersant.ru

14 Присвоение объекту статуса, находящегося под охраной ЮНЕСКО, — медаль, имеющая две стороны

15 Единичные доминанты на фоне плоского ландшафта — это традиция Петербурга, которой уже не одно столетие

Цветные тематические страницы №13–16 являются составной частью газеты «Коммерсантъ». Зарегистрировано в Роскомнадзоре ПИ № ФС 77-64424 31 декабря 2015 года. Распространяются только в составе газеты. Подписчики получают цветные тематические страницы: «Дом», «Телеком», «Банк», «Страхование», «Лизинг», «Стиль» и другие.

Выполняя проект по реставрации исторических зданий, специалисты видят главной задачей сохранение образа объекта. Проектировщики и архитекторы подчеркивают: каждый из таких проектов уникален и требует гораздо больше времени и фундаментальных знаний. При этом новые технологии, используемые при реставрации, не являются панацеей — зачастую их применение связано с множеством ограничений.

Сохраняя образ

— реставрация —

«Приступая к строительному проектированию, специалист-проектировщик ставит перед собой задачи, исходя из классического определения понятия «проектирование»: создания на бумаге или в электронном виде образа будущего здания с последующей разработкой документации. Рассмотрев это определение, уже можно понять, какие принципиальные отличия существуют при проектировании в реставрации, — объясняет Дмитрий Сизов, главный инженер ООО «АЖИО». — Приступая к проектированию при реставрации, мы уже имеем готовый образ. Главная задача — сохранить этот образ». По его словам, эта задача зачастую противоречит необходимому требованию — привести историческое здание в соответствие современным нормам. «Или можно высказать противоположное суждение: сложность работы с объектами культурного наследия заключается в существовании достаточно жестких ограничений, связанных с требованиями сохранения предметов охраны», — добавляет эксперт.

Решения, принимаемые в процессе реализации таких проектов, как правило, индивидуальные, не типовые, что требует от проектировщиков и архитекторов значительно больших затрат времени и фундаментальных знаний. «Качественный проект реставрации «примиряет» обе противоречащие задачи. И, к сожалению, без компромисса тут невозможно. Для реставратора в приоритете всегда замысел автора, а для многих других участников процесса важнее современные задачи, в том числе и экономия средств любой ценой. Найти такие сложные решения можно, только очень хорошо изучив объект», — говорит господин Сизов. По мнению Филиппа Грибанова, представителя Фонда содействия строительству культурных сооружений ИПЦ в Санкт-Петербурге, здесь важно, чтобы у всех участников проекта было достаточно опыта — и у заказчика, и у проектной организации, и у архитектора, тогда можно достичь компромисса.

Вперед, назад и снова вперед

Поскольку в «проектную группу» на реставрационном объекте входят

Решения, принимаемые в процессе реализации проектов реставрации, как правило, носят индивидуальный, а не типовой характер, что требует от проектировщиков и архитекторов значительных затрат времени и фундаментальных знаний

специалисты как гуманитарных, так и технических профессий, проект должен стать их единым мнением. «Сама организация работ не может быть такой, как при строительстве нового здания. Проектировщику нужно не постоянно двигаться вперед, а периодически возвращаться к предыдущим стадиям проекта. Необходимо выполнить принципиально больший объем исследовательских и исследовательских работ. И эта работа проводится этапами, после каждого из которых нужно остановиться и сделать необходимые выводы», — поясняет Дмитрий Сизов.

На каждом этапе проекта все решения должны быть обоснованы как нормативной базой, так и исторически и иконографически. При этом особенно важным является то, что на этапе разработки проектной документации работы по проектированию не завершаются, а продолжают вести как при выполнении реставрационных работ, так и после

их завершения. «Далее по проекту проводятся работы по реставрации, но их также нужно рассматривать как новую часть проекта — только при проведении работ можно досконально изучить памятник. Это означает, что обязательно понадобятся новые проектные решения, которые должны быть снова обсуждены и согласованы», — говорит господин Сизов.

После того как проект реставрации подошел к концу, проводится дополнительная историко-культурная экспертиза, цель которой — проверка обоснованности принятых решений с учетом главной задачи — сохранения предметов охраны.

Новые технологии

По словам Нины Шангиной, председателя совета Союза реставраторов Санкт-Петербурга, сегодня в реставрации нуждаются сотни тысяч объектов, и ускорять проектирование за счет качества проектов — претупная идея. «Значит, только новые технологии позволят решить часть проблем. Но, скажем заранее, не следует считать эти методы панацеей. В реставрации их применение также связано с множеством ограничений», — указывает госпожа Шангина. Эксперт выделяет несколько

современных средств, применяемых при поведении реставрационных работ, которые в настоящее время наиболее востребованы. «Современные методы выполнения обмеров обладают достаточно высокой точностью, повышают достоверность результатов работ. Технологии моделирования позволяют воссоздавать утраченные элементы в форме отдельных вставок и фрагментов, например, при реставрации расколотых скульптур или предметов. Неразрушающие методы исследования материалов позволяют сохранять подлинность частей сооружений, при этом предоставляя качественную исходную информацию. Новые методики расчетов позволяют оценить характеристики прочности и надежности с учетом фактически существующих дефектов, условий и особенностей объекта. Моделирование реставрационных процессов позволяет прорабатывать оптимальные технологические решения», — говорит госпожа Шангина. Эксперт отмечает, что применение современных методов компьютерного проектирования, безусловно, позволяет повысить качество проектной документации, получить более точную детализацию узлов и конструкций, однако полностью применить все

инструменты 3D-проектирования в реставрации невозможно. «Так, сроки проектирования общестроительных объектов данным методом сокращает в основном за счет применения готовых решений и использования библиотеки типовых узлов. Реставрация эксклюзивных объектов, которые являются культурным наследием, такие возможности исключает», — подчеркивает Нина Шангина.

Активное внедрение современных технологий отмечает и Филипп Грибанов, уточняя, что в нашей стране их внедряют в основном крупные компании. «Причем 3D-модель всего здания, отсканировав все помещения предварительно, умудряются совместить еще и с проектом и финансовым планированием», — удивляется он. Тем не менее, по его словам, в своей работе современные средства используются очень ограниченно. «Например, при воссоздании церкви Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радости с грощиками» не было смысла делать сканирование, поскольку от нее на момент начала работ оставались лишь фундамент и подвальные помещения. В киновии Александровской лавры создавали 3D-модель иконостаса. Но здесь у нас были очень хорошие исторические фотографии — в основном опирались на них», — уточняет господин Грибанов.

Юрий Стриганов, генеральный директор ООО «Рус ФСП», замечает, что, несмотря на наличие современных средств проектирования, призванных помогать проектировщику, на первом месте все равно остается человек. «Ведь при выполнении нестандартных и сложных задач компьютерные технологии не всегда смогут дать результат, приближенный к фактическому. А компетентный инженер-проектировщик способен сделать это, основываясь на своем опыте и основах, заложенных еще в инженерных школах», — резюмирует он.

Реставрация живописи

Отдельной главой архитектурного проекта по реставрации памятника архитектуры является методика реставрации живописи. Искусствовед и реставратор Александр Дмитриев говорит, что основной проблемой при проведении подобных работ являются повторения,

происходившие каждые 15–20 лет. «Иногда нам приходится снимать по семь слоев масляной краски для определения автора работы», — добавляет господин Дмитриев. Также, по его словам, реставрация порой осложняется использованием гипса в период 1990–2000-х годов. «Такой ремонт обычно проводили настоятели церквей, но данный материал наносит вред грунту, и его впоследствии приходится удалять», — сообщает он. Для реставрации предмета искусства, по мнению Александра Дмитриева, вполне достаточно картограмм, однако современные технологии, такие как 3D-моделирование, могут помочь заказчику или контролирующим органам более наглядно представить проект росписи. «Можно создать 3D-модель, к примеру, храмового комплекса, в рамках которой показать, как будет выглядеть здание изнутри, ознакомиться с сюжетами и программой росписи», — добавляет эксперт. Помимо визуализации, для создания 3D-моделей может применяться лазерное сканирование в случае утраты штукатурного грунта. «Лазерный сканер покажет такие глубины и заполнит их, тем самым обеспечив полноту изображения», — говорит господин Дмитриев.

«В настоящее время используется 3D-сканирование как для создания проектно-сметной документации, так и для создания проектов живописи. Такое сканирование выполняется на начальном этапе реставрации и находит все большее применение у современных реставраторов», — добавляет Дмитрий Витошнов, художник-реставратор ООО «Межрегионреставрация». По его словам, сканирование архивных фотодокументов также находит применение в процессе реставрации предметов искусства, поскольку позволяет более точно создать проект, рассмотрев детали убранства.

Искусствоведы подчеркивают, что в целом реставрация живописи — это довольно консервативная область. «Материалы, которые используются для укрепления штукатурки, красочного слоя, тонирования живописи, уже давно признаны специалистами, проверены на протяжении десятков лет, благодаря чему успешно используются», — резюмирует господин Витошнов.

Мария Кузнецова

С расчетом на госпрограммы

— ресурс —

Участникам реставрационного рынка Петербурга по-прежнему приходится ориентироваться на госзаказ, который уже несколько лет сохраняется на одном уровне.

По данным петербургского комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры, реставрационные лицензии в городе имеет более тысячи компаний, в которых насчитывается около 20 тыс. сотрудников, что сильно превышает показатель, который был еще десять лет назад.

При этом, как отмечают эксперты, пул игроков на рынке практически не меняется. Хотя из-за кризиса 2018 года некоторые участники отрасли, даже такие крупные, как компания «Интарсия», испытали довольно большие сложности. Тогда сокращение финансирования со стороны государства, а именно оно и является одним из основных заказчиков, нанесло серьезный урон отрасли в целом. Реставраторы были вынуждены работать в условиях постоянно снижающейся стоимости контрактов, в то время как цены на материалы росли, а затраты на аренду оборудования и техническое оснащение оставались на прежнем уровне. При этом реставрационная отрасль является трудоемкой, а качественный уро-

вень должен оставаться достаточно высоким.

Как ранее сообщал председатель комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга Сергей Макаров, объем реставрационной программы в Петербурге несколько лет остается на уровне 2,8–2,9 млрд рублей в год. На эти средства ежегодно реставрируется 60–70 объектов, по многим из которых срок проведения работы продлевается несколько лет. К примеру, в 2019 году будет завершена церковь святого Петра в Лакте, а в следующем — дачи Громова в Лопухинском саду и буддийского дахана. Долгосрочными проектами в ближайшей перспективе станут Аничков и Юсуповский дворцы. Кроме того, работы проводятся в подворье Коневского монастыря на Загородном проспекте, в домах Бецкого и Протена на Суворовской площади. Большой фронт работ предстоит в рамках программы реставрации фасадов жилых зданий-памятников. Как сообщали в КИОП, на ее реализацию в ближайшие десять лет планируется выделить из городского бюджета около 17 млрд рублей, а в предварительном перечне — 255 объектов. Такие планы городского правительства добавляет реставраторам оптимизма.

Однако участники рынка не устают подчеркивать, что должна измениться схема проведения конкурсов

на госзаказ. Ориентироваться только на минимальную стоимость в данном случае недопустимо. В расчет должен браться профессионализм участников, а сами конкурсные процедуры должны стать максимально прозрачными, чтобы минимизировать коррупционную составляющую. В петербургском Союзе реставраторов развитие законодательного регулирования реставрационной деятельности продолжается. В частности, действует контрактная система с двухуровневым конкурсом, которая включает в себя предложения по качеству. Таким образом, подчеркивают в общественной организации, и государство как заказчик большого объема работ, и исполнители идут навстречу друг другу, понимая, что минимальная цена — тулуповый путь.

В настоящее время существенный объем реставрационных услуг предоставляется о в рамках госзаказа. И чтобы минимизировать риски для этого рынка, в отрасль необходимо привлекать частных инвесторов. По словам руководителя направления развития Besar Asset Management Екатерины Тейдер, с точки зрения актуальности объем проектов, которые реализуются с привлечением частного финансирования, преобладает над объемом проектов, которые реализуются за государственный счет. «Частные проекты — в основном коммерческие, и они предполагают

реставрацию с приспособлением под современное использование», — констатирует госпожа Тейдер.

Вместе с тем бизнес в условиях действующего регулирования не готов принимать участие в проектах. Определенные надежды возлагаются на программу реновации исторического центра, о которой периодически говорят в Смольном. Целевая программа сохранения и развития исторического центра была утверждена городским правительством еще в 2012 году. Тогда в нее были включены два пилотных квартала — «Колонная» и «Северная Коломна — Новая Голландия». Для реализации программы предполагалось привлечь средства из федерального бюджета и частных инвесторов. Но из-за сложности с источниками финансирования от проектов было решено отказаться в 2016 году.

Сильные традиции

По мнению экспертов, в Петербурге сложилась сильнейшая реставрационная школа. Ее основы были заложены еще в советское время, а теперь она адаптировалась к рыночным условиям. Основные же принципы работы специалистов отрасли сформулированы и закреплены в Кодексе реставратора Петербурга. «В Петербурге сильнейшая реставрационная школа, которая корнями уходит в послереволюционное время, когда пришлось восстанавливать большое количество

Объем реставрационной программы в Петербурге несколько лет остается на уровне 2,8–2,9 млрд рублей в год. На эти средства ежегодно реставрируется 60–70 объектов

исторических объектов. В 1990-е и 2000-е, конечно, произошел определенный провал, но и сейчас в городе есть высококлассные специалисты, которым можно доверять даже очень сложные объекты. Их не так много, но они есть. К работе над нашими проектами мы привлекаем именно такие кадры», — отмечает представитель Фонда содействия строительству культурных сооружений Русской православной церкви в Санкт-Петербурге Филипп Грибанов.

По словам руководителя отдела стратегического консалтинга Knight Frank St. Petersburg Игоря Кокорева, поскольку Петербург обладает уникальной по масштабу сохранившейся исторической застройкой, то востребованность профессии в городе весьма велика. «Формирование сильной школы реставрации связано как с этим фактором, так и с большими масштабами реставрации и воссоздания после Второй мировой войны», — говорит господин Кокорев. По его словам, возможность для получения образования или повышения квалификации в сфере реставрации в городе достаточно большая — более десятка организаций в сфере среднего и высшего образования.

наследие

С оглядкой на окружение

Многие идеи великих зодчих прошлого находят отражение в проектах нынешних архитекторов, несмотря на то, что их реализация является более сложной и дорогостоящей. Эксперты уверены: учитывая исторические традиции локации, важно не слепо копировать окружающую застройку, а переосмысливать традиционную архитектуру, привнося в нее современные элементы.

— архитектурная среда —

На протяжении трехсот лет в Петербурге работали тысячи архитекторов. Привлечение к строительству иностранных мастеров способствовало тому, что архитектура города на Неве формировалась на основе европейских стилей, которые ранее не использовались на Руси. В стремлении создать европейскую столицу, отрешившись от древнерусского наследия, Петр I представлял Петербург вторым Амстердамом как из-за сходства географических условий, так и из-за ориентации на культуру и экономику Голландии и в целом северных стран. Сейчас исторический центр города представляет собой уникальный памятник архитектурной среды одной эпохи XVIII и XIX веков, при этом общее количество зданий исторической застройки в городе превышает восемь тысяч.

Создавая Петербург

«Архитектура Петербурга последовательно развивалась как сменяющие друг друга исторические стили определенных эпох», — поясняет историк Александр Кононов, заместитель председателя Совета Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИИК. Архитектуру начала XVIII века определяют термином «петровское барокко». Значительный вклад в создание архитектурного облика города начала XVIII века внес Доменико Трезини, ставший первым зодчим Петербурга и проработавший здесь около тридцати лет. Именно он создал проекты Летнего дворца Петра I, Александрово-Невской лавры, здания Двенадцати коллегий. Среди других архитекторов, творивших в стиле барокко, были Джованни Фонтана и Иоганн Шедель, которым принадлежит проект Меншиковского дворца, а также Франческо Бартоломео Растрелли, создавший Смольный монастырь и Зимний дворец, став-

ший апофеозом русского барокко. «Понятно, что после пышного барокко наступает усталость, и на его смену пришел классицизм — абсолютно прозрачный, строгий и гармоничный», — продолжает господин Кононов. Основоположником классицизма в Петербурге стал Жан-Батист Делатот, по проекту которого было построено здание Академии художеств. На более поздних этапах новые варианты классицизма были использованы Джакомо Кваренги при проектировании здания Академии наук, а также Смольного института. Другие ключевые памятники Петербурга, такие как Казанский собор архитектора Андрея Воронихина, и Исаакиевский собор Огюста де Монферрана также относят к классицизму. Отдельно стоит упомянуть о Карле Росси, крупнейшем зодчем позднего классицизма, сильной стороной которого была организация пространств, которые он стремился охватить единообразными фасадами.

«К середине XIX века классические здания стали уже рассматриваться как архаичные, и на их смену пришла эклектика, суть которой в соединении приемов и мотивов различных исторических стилей», — говорит Александр Кононов. Значительный вклад в развитие эклектики в Петербурге внес зодчий Андрей Штакеншнейдер, главным проектом которого стало здание Мариинского дворца.

В XX веке в архитектуре Петербурга стали появляться элементы северного модерна, наиболее яркими примерами которых стали произведения Федора Лидваля, создавшего множество доходных домов, в том числе доходный дом Толстого, а также здание гостиницы «Астория». В это же время появился неоклассицизм, сочетающий в себе исторический стиль с современными планировочными решениями. После революции наступило время авангарда, позднее произошла модернизация классики, далее на

С одной стороны, жители города хотят видеть в центре новые проекты, максимально приближенные к историческому окружению. С другой стороны, профессионалы рынка ориентированы на то, чтобы новые здания были технологически комфортными для сегодняшней жизни

смену сталинскому депиру с его помпезностью и ампуризмом приходит так называемая борьба с излишествами и постепенный переход к типовым проектам городской застройки, после чего наступила эпоха так называемого постмодернизма.

Классика в современном исполнении

В последние годы преимущественно в центральной части города начали появляться проекты, в которых отчетливо прослеживается

историческая преемственность. По мнению Рафаэля Даянова, руководителя архитектурной мастерской «Литейная часть-91», такая тенденция характерна не только для Петербурга, но и для Москвы, а также для многих других городов Европы. «Это абсолютно естественный процесс, многие заказчики и девелоперы пресыщаются современной стилистикой и хотят вернуться к классике. Выбирая классическую стилистику, мы опираемся на петербургские архитектурные мотивы. Само место диктует выбор в пользу подобных форм», — рассуждает господин Даянов.

Евгений Герасимов, руководитель архитектурной мастерской «Герасимов и партнеры», также отмечает, что девелоперы довольно часто обращаются с просьбой создать проект, в котором бы прослеживались черты историзма. По его

словом, в основном это характерно для элитного сегмента, однако есть и исключения. «Сейчас такая архитектура может выходить даже за пределы центральных районов города. Несмотря на то, что такие здания могут контрастировать с окружающей застройкой, если проект интересный и грамотно проработанный, то он может стать хорошим образцом традиционной архитектуры в районах новостроек», — говорит господин Герасимов. Среди подобных проектов — ЖК «Ренессанс» в Веселом Поселке, другой пример — ЖК «Финансист» в западной части Васильевского острова.

Архитектор Михаил Кондяин, соучредитель архитектурной мастерской «Земцов, Кондяин и партнеры», отмечает, что, с одной стороны, жители города хотят видеть в центре новые проекты, максимально приближенные историческому окружению. С другой стороны, профессионалы рынка ориентированы на то, чтобы новые здания были технологически комфортными для сегодняшней жизни. «Есть примеры, когда архитекторы пытаются сочетать исторические детали с современными элементами. Например, мы работали над проектом новой сцены Александринского театра, который представляет собой как раз такой микс», — рассказывает господин Кондяин. — Пути могут быть разные, но подражание в XXI веке — это неверный путь.

Атмосфера места

Реализуя проекты в историческом центре города, большинство девелоперов заявляют, что при их подготовке всегда учитывают архитектурные традиции локации, а также стиль соседних зданий для создания гармоничного архитектурного ансамбля. «Одним из первых элитных домов, построенных компанией Setl Group, стал «Северный модерн на Петроградской», который благодаря продуманной концепции и грамотно выбранным внешним акцентам был органично вписан в архитектуру исторического центра города. В таком же стиле построены знаменитый доходный дом Лидваля на Каменноостровском проспекте, доходный дом Путиловой («Дом с совами») на Большом проспекте П.С. Проект оценили и сами жители Петербурга: дом стал победителем конкурса «Связь времен», организованного общественным движением «Живой город», став лучшим примером современного строительства в исторической среде города», — рассказали в строительной компании. Другим

примером подобных элитных домов от Setl Group является проект «Мироздание» на Петроградской стороне, возведенный в стиле ар-деко в современном исполнении, а также «Дом на Кирочной», построенный в стиле доходных домов начала XX века.

«Работая в историческом центре и кварталах «серого пояса», мы понимаем, что практически любой проект в данных локациях так или иначе связан с архитектурой прошлого: модерном, неоклассицизмом, промышленной архитектурой, конструктивизмом», — рассказывает Михаил Гушин, директор по маркетингу группы RBL. — При этом важно, что архитекторы, с которыми мы работаем, не стремятся слепо копировать архитектуру XIX–XX веков. Их работа — переосмысление, новый взгляд на архитектурные традиции, диалог эпох». В качестве примеров господин Гушин приводит проекты «Таврический», представляющий собой современное прочтение традиций петербургского модерна, и «Четыре горизонта», переосмысляющий промышленную «краснокирпичную» архитектуру Петербурга конца XIX века. Оба проекта включены в Белую книгу Всемирного клуба петербуржцев.

«Среди проектов жилых комплексов, реализованных компанией «ЮИТ Санкт-Петербург», в которых использован архитектурный язык определенного времени, можно отметить комплекс «Чапаева, 16» на Петроградской стороне, выполненный в стилистике архитектуры северного модерна и жилой комплекс бизнес-класса Fjord на Васильевском острове, фасады которого тоже отражают стилистику окружающей исторической застройки», — рассказывает главный архитектор проекта компании «ЮИТ Санкт-Петербург» Рустам Вафиев. По мнению господина Вафиева, особым предпочтением, по сравнению с проектами в современном стиле, со стороны покупателей к таким объектам не наблюдается. «Как правило, это небольшие точечные здания в хороших локациях, что само по себе востребовано клиентами», — добавляет он. По словам господина Вафиева, реализация подобных проектов и сложнее, и дороже, поскольку приходится прорабатывать много деталей в проекте и в строительстве. «Однако гораздо большей проблемой является архитектурное качество, так как профессионалов, владеющих в совершенстве архитектурными языками прошлого, очень мало», — резюмирует он.

Мария Кузнецова

С расчетом на госпрограммы

— ресурс —

Реставраторы получают образование как в профильных художественных вузах, так и в средних учебных заведениях или в учебных подразделениях религиозных организаций. «Впрочем, есть случаи и самородков, которые не могут похвастаться высоким уровнем профильного образования», — отмечает аналитик ГК «Финанс» Алексей Коренев.

«Большое профессиональное сообщество, наличие локальной школы реставрации, широкие возможности по обучению, значительный локальный фронт работ — все эти факторы сформировали и поддерживают достаточно крупную и высокопрофессиональную реставрационную отрасль. Ужесточение охранных ограничений в последние годы также способствует сохранению востребованности профессии в перспективе», — говорит господин Кокорев.

По мнению госпожи Тейдер, высококвалифицированных реставраторов единицы, так как такой квалификации достигают те, кто усердно и качественно трудится, в этой отрасли очень важна большая и специфическая практика. Такие специалисты имеют достаточно большой заработок и востребованы.

«В Петербурге особое отношение к сформировавшейся исторической застройке, программы развития города предполагают сохранение облика города, а все работы нацелены на то, чтобы подчеркнуть его историческую ценность. Поэтому есть существенный объем реставрационных работ — есть где реализовать свой талант реставратору. По этой же причине петербургская школа действительно отличается качеством подготовки и практикой», — рассуждает Екатерина Тейдер.

Арина Макарова

ЮНЕСКО ждет согласования

— охрана памятников —

Присвоение объекту статуса, находящегося под охраной ЮНЕСКО, — это медаль, имеющая две стороны. С одной стороны, это гарантирует внимание культурной общественности всего мира и стабильный турпоток, но с другой — создает большие сложности с реализацией проектов по соседству с охраняемыми объектами. Для Петербурга эти сложности проявляются особенно четко, так как под защитой организации находятся не конкретные объекты, а весь исторический центр.

Исторический центр Петербурга находится под охраной ЮНЕСКО. Это самый большой в мире градостроительный объект, который есть в списке организации. Общая площадь охраняемой территории составляет 26 тыс. га, еще 10 тыс. га находится в Ленинградской области. Вопросы соблюдения обязательств по соглашению с ЮНЕСКО регулируются законопроектom с поправками в 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия...», который был подготовлен Министерством культуры. Согласно документу, любые новые проекты, которые реализуются в согласованных границах, должны обязательно проходить процедуру оценки и получать согласование со стороны ЮНЕСКО.

Под куполом

В петербургском комитете по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) считают, что эта норма совершенно адекватна для всего мирового наследия в России, но не для Петербурга, так как в зоне охраны находится огромное количество объектов и потенциальных локаций для реализации новых проектов, согласование которых каждого в отдельности с

ЮНЕСКО «явно избыточно». «Пока закон еще не принят, но совершенно очевидно, что реализация заложенных в нем идей на практике останется как минимум половиной строек города. Мне кажется, что применительно к Петербургу вопрос согласования должен касаться только действительно крупных проектов, способных оказать влияние на объект всемирного наследия», — заявлял ранее глава КГИОП Сергей Макаров.

Партнер, руководитель практики по недвижимости и инвестициям «Качкин и партнеры» Дмитрий Некрестьянов напоминает, что ЮНЕСКО охраняет объекты, которые обладают выдающейся ценностью и признаются всемирным наследием, то есть их ценность выходит за пределы определенной страны, охрана со стороны организации обеспечивает дополнительный контроль за их сохранением.

Представитель Фонда содействия строительству культовых сооружений Русской православной церкви в Санкт-Петербурге Филипп Грибанов считает, что значение ЮНЕСКО слегка преувеличено. «Это, безусловно, высокий статус, однако практической пользы от него почти нет. В городе разрушается множество исторических объектов, и сотрудничество с этой организацией нам никак не помогает избежать этого процесса», — уверен он.

По словам господина Некрестьянова, включение в список охраны ЮНЕСКО в некоторых случаях дает право претендовать на гранты и льготные кредиты от международных финансовых организаций, а также является мировым признаком уровня соответствующего объекта. «В рамках конвенции эксперты ЮНЕСКО выступают не как запрещающие все «жандармы», а как консультанты по поиску лучших решений. У нас же все привыкли видеть за словом «со-

гласование» исключительно разрешительную процедуру, без которой ничего делать нельзя. Как итог — адаптация применения правил конвенции в России способна привести к полной заморозке любых работ в отношении таких объектов всемирного наследия и во многих случаях к их утрате именно от несовершенства каких-либо действий», — констатирует господин Некрестьянов.

«Вхождение в список всемирного наследия — это своего рода высококачественный «промоушен», привлекающий интерес и со стороны бизнеса, для которого важна публичная благотворительная составляющая, и со стороны туристов, для которых ЮНЕСКО формирует специальные туристические программы, призванные популяризировать эти места и объекты. И, наконец, со стороны властей государства, на чьей территории и расположено это всемирное наследие, потому что они обязуются гарантировать их сохранность», — отмечает главный аналитик Центра аналитики и финансовых технологий (ЦАФТ) Антон Быков.

Генеральный директор Knight Frank St. Petersburg Николай Пашков призывает не подходить к ЮНЕСКО с позиции когнитивного экономического детерминизма. «Это прежде всего вопрос сохранения культурного наследия, а оно бесценно, поэтому торг здесь неуместен. Включение объекта в список ЮНЕСКО — вопрос в некотором смысле национального престижа. Кроме ограничений, это дает городу элемент конкурентоспособности на туристическом рынке. Когда в городе есть много объектов или весь центр включен в список ЮНЕСКО — это придает дополнительный вес. Кроме того, это возможность получать дотации и преференции на сохранение памятников», — говорит эксперт.

Отрегулировать регулирование

На фоне строгих ограничений со стороны ЮНЕСКО продолжается изменение городского законодательства, которое касается охраны памятников. При этом, по заявлению КГИОП, инициативы направлены на сокращение процедур. Внимание к охраняемым объектам не становится меньше, однако, некоторые меры мешают развитию города, отмечают в городском правительстве. В частности, чтобы привести региональные законы в соответствие с федеральными, необходимо ввести зоны регулирования застройки вокруг объектов наследия, находящихся за границами охранной территории. По одним из последних изменений в 73-ФЗ вокруг таких объектов была установлена стометровая зона, в которой запрещено любое строительство. КГИОП настаивает на сокращении этого параметра в ряде случаев. Это допустимо, когда окружающая историческая

среда не сохранилась. Как отмечают в городском правительстве, таких случаев в городе огромное количество. И в их отношении формальное следование закону серьезное затрудняет развитие города. Отдельно подчеркивается, что речь идет не об отмене защитных зон, а о том, что они будут соответствовать локации расположения памятника и будут установлены понятные правила использования участков.

Кроме того, город приступил к разбивке исторических зданий на категории, так как их ценность разнообразна. Предлагается ввести три типа по степени значимости, каждый из которых будет иметь свой уровень охранных обязательств. Сейчас эта инициатива на этапе анализа. Правительство предстоит определить, насколько соответствующие изменения в законодательство можно будет ввести в ближайшее время.

Арина Макарова

Минкульт предлагает обязать любые новые проекты, которые реализуются в согласованных границах охранной зоны, проходить процедуру оценки согласования со стороны ЮНЕСКО, но в КГИОП с таким предложением не согласны

наследие

«Петербург нужен не культ руин, а культ красоты»

Представитель Фонда содействия строительству культовых сооружений Русской православной церкви в Санкт-Петербурге **Филипп Грибанов** в интервью корреспонденту «Ъ» Арине Макаровой рассказал о том, каких принципов, по его мнению, стоит придерживаться при развитии исторического центра города и восстановлении памятников.

— экспертное мнение —

— У фонда, который вы представляете, весьма специфическое направление — вы воссоздаете православные церкви. Какие проекты сейчас в работе и каковы ближайшие планы?

— Сейчас мы готовим к сдаче в эксплуатацию церковь Пресвятой Троицы в составе выявленного объекта культурного наследия «Киновия Александров-Невской лавры», которая находится по адресу Октябрьская набережная, 18, лит. А. В 2015 году, когда мы взяли этот проект в работу, это было полностью разрушенное здание, и на сегодняшний день оно уже восстановлено в соответствии с историческим обликом. Второй объект, который сейчас в стадии воссоздания, — это церковь Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость с грошиками» на проспекте Обуховской Обороны, 24. Этот проект сложнее, так как церковь была взорвана в 30-е годы прошлого века. Планируем завершить его в течение полутора лет.

— Но почему именно церкви?

— Потому что это важная часть истории нашего государства. Церковные здания доверялись строить величайшим архитекторам своего времени, поэтому практически все они представляют собой бесценные памятники. В проекте восстановления любого храма заложена важная объединяющая идея.

— По какому принципу вы выбираете объекты для реконструкции? Какой на очереди?

— Есть целые книги по утраченным храмам города — их сотни, и многие из них утрачены безвозвратно, хотя они представляли собой бесценные архитектурные памятники. Выбор проекта зависит от множества факторов. Например, в случае с киновией это была инициатива горожан, которые собрали материалы, инфор-

мацию, добились выделения городских средств на исторические исследования и техническое обследование и пришли к нам с наработанной документацией. Если бы мы не начали тогда реставрационные работы, она бы просто разрушилась, это был вопрос нескольких лет.

Мы комплексно и деликатно подходим к каждому предложению, изучаем возможность его восстановления с технической, юридической и архитектурной точки зрения. Понятно, что никто не будет сносить ради восстановления храма ни БКЗ «Октябрьский», ни станцию метро «Площадь Восстания». Но есть объекты, которые вполне органично вписываются в существующую ткань города.

Инициативные группы граждан к нам обращаются с разными предложениями, причем это далеко не всегда православные активисты, по большей части это историки и культурологи. Все их идеи мы рассматриваем очень внимательно. Например, сейчас мы обсуждаем создание памятного знака на Троицкой площади — на месте Троицкой церкви, где Петр I принял титул императора. Мы прорабатываем эту идею с коллегами из КГИОП. Храм был построен с 1709 по 1711 год, и значение этого собора для Петербурга невозможно переоценить. Но воссоздавать деревянное здание, фундамент которого расположен частично на существующем ныне проезде, частично на территории жилого дома, не имеет смысла, да и оно не впишется в окружающую застройку. Это было бы неправильно по отношению к истории и городу, поэтому речь идет о памятнике.

Есть и, казалось бы, очень необычные предложения. К нам обращаются с идеей воссоздания колокольни Смольного собора, которую начал возводить еще Растрелли и построил ее до второго яруса. Однако в 1756 году строительство было приостановлено

ФОТО: АРИНА МАКАРОВА

из-за недостатка финансирования — началась Семилетняя война. Археологические исследования выявили уцелевший фундамент колокольни. И, насколько я знаю, идея ее воссоздания уже обсуждалась. Несмотря на кажущуюся сперва необычность, проект мог бы стать очень интересным — не только воссозданным памятником архитектуры, но и высотной доминантой, яркой точкой притяжения. Причем речь идет не о церковном объекте, а именно о символе Петербурга.

Как я говорил, мы внимательно изучаем все обращения, поэтому мы, естественно, улубились в творчество Бартоломео Растрелли. Его гений трудно переоценить, он был истинным творцом прекрасного. Он создавал не только признанные во всем мире архитектурные шедевры — в его труде заложен глубокий смысл: он создавал красоту и величие. А что как не созерцание прекрасного делает нас лучше, вселяет в нас спокойствие и уверенность? Он создал тот самый Петербург, каким сегодня восхищается весь просвещенный мир.

— С какими сложностями сталкиваются инвесторы при воссоздании объектов в центре города?

— Со всеми возможными. Если пройтись по центру города, но не по парадному Невскому проспекту, то можно оказаться в депрессивном окружении с полуразрушенными домами. Заниматься ими некому, в

первую очередь в силу зарегламентированности застройки в исторической части города. «Дайте памятнику спокойно умереть» — такую фразу как-то я услышал от коллег из Пскова, которые цитировали представителя градозащитной организации. С такой позицией мы не согласны. У нас другое видение будущего городов с таким архитектурным наследием, как у Петербурга.

— С этим сложно поспорить. Как вам удается пройти процесс согласований и оказывает ли город поддержку?

— Нас поддерживает КГИОП, который на всех этапах нам помогает и подсказывает. Но опять же это не связано с тем, что мы занимаемся культовыми сооружениями. Дело в подходе людей к своей работе и любви к своему городу. А сложность процедуры по большей части определена законами, и это вопрос уже не к исполнительным органам власти, а к законодателям.

— То есть вы считаете, что законодательство в отношении застройки центра города слишком жесткое? И это разрушает его исторический облик, а не сохраняет?

— По сути, центр сейчас обречен. С одной стороны, в начале 2000-х историческая застройка довольно слабо охранялась, было совершено огромное количество градостро-

ительных ошибок. И это была одна крайность. Сейчас мы загнали себя в новую ловушку — строительство и реконструкция практически замерли. Город мумифицирован. А если обратиться к Конвенции об охране культурного наследия, то получается, что в принципе ничего не нужно воссоздавать. Все это будет считаться новоделом. В городе разрушается множество исторических объектов, и сотрудничество с ЮНЕСКО нам никак не помогает избежать этого процесса. Я слышал только об их проверках, но ничего об их участии и помощи в реальной реставрации.

Все кричат, что надо ограничивать высотное строительство. А почему? Вот Петропавловский собор — это небоскреб, да и все великие здания, которые были построены 200–300 лет назад и которыми мы сейчас восхищаемся, были небоскребами для своего времени. Тот же дом Зингера (кстати, первый бизнес-центр в истории Петербурга) в свое время, когда его только вводили в эксплуатацию, был объявлен уродом и градостроительной ошибкой. А сейчас это одно из прекраснейших зданий города.

Небесная линия, о которой все говорят, но мало кто знает, что это такое, формируется как раз высотными доминантами. И, кстати, во всех городах высотными доминантами были церкви — таковы традиции европейской архитектуры. Но сама мысль о

том, что ровную линию разнообразит что-то непривычное, иное, вызывает бурные протесты.

— Это сейчас был камень в огород градозащитников?

— Я уважительно отношусь к их деятельности и признателен им за самоотверженную работу в тот период, например, когда было модно ночью подогнать кран и обрушить объект культурного наследия, да что там ночью — и днем бывало. Однако, на мой взгляд, не совсем корректно, когда они выступают от имени всей общественности. Все же градозащитники — это активная, но сравнительно небольшая группа граждан, а общественность — это вы, это я, это все. И у нас могут быть другие взгляды на будущее нашего города. Петербург — светский, многоконфессиональный и многонациональный город с множеством разных точек зрения на каждый вопрос. Системы ценностей у петербуржцев очень разные, но при этом все мы живем в одном городе. Кроме того, термин «градозащитное движение», как сейчас стало принято говорить, предполагает действия, а не блокировку действий других людей. Сколько объектов градозащитники отвоевали у инвесторов? И что с ними стало дальше? Они стоят и разрушаются. Эти активные группы граждан могли бы, например, объявить сбор средств и организовать противоаварийные и реставрационные работы. На мой взгляд, голос градозащитников был бы намного сильнее, будь он подкреплен реальными отставившими объектами. Они были бы убедительнее и понятнее обществу в целом, создавая что-то.

Пока каждая сторона мыслит в своей плоскости, мы видим не диалог, а два монолога — эмоциональный и рациональный. Инвесторы и власти говорят о восстановлении объектов, создании новых общественных пространств, точек притяжения для горожан и туристов, рабочих мест, налогах. А градозащитники считают, что они все разрушают. Это тупикивый путь. А я хотел бы видеть диалог, хотел бы участвовать в нем. Мне нравится смотреть на вещи с позиции, что нас связывает, а не что различает. Я бы предложил всем поискать точки соприкосновения. Первое, что приходит на ум, — это любовь к нашему городу. Я уверен, что если мы все заходим и думаем, то найдем немало общего. Надо в культ возводить красоту города, а не неприкасаемые руины.

Вернуть на старое место

— воссоздание —

Единичные доминанты на фоне плоского ландшафта — это традиция Петербурга, которой уже не одно столетие. Одни сохранились до наших дней, другие так и не состоялись, а часть из них была утрачена. По мнению экспертного сообщества, такие сооружения нуждаются в воссоздании для возвращения исторического облика города и восстановления утраченных архитектурных связей.

Несмотря на то, что облик Петербурга формировался на плоской равнине в дельте Невы, его знаменитые шпили лишь подчеркнули так называемую «небесную линию» города. Одним из таких известных на весь мир сооружений является Петропавловский собор, возведенный на территории одноименной крепости, с которой и началось строительство Петербурга. До сегодняшнего дня собор по-прежнему остается главной архитектурной доминантой города. Вместе со знаменитым шпилем его высота составляет 122,5 м, что вплоть до 2012 года делало его самым высоким зданием Петербурга, а до 1952 года — и России. Другим зданием Петровской эпохи со шпилем высотой 72 м является Адмиралтейство, относительно которого ориентированы три городских магистрали: Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект, образующие так называемый «Невский треугольник».

Шпили и башенки также присутствуют и в рядовой исторической застройке Петербурга эпохи модерны и эклектики. Так, на углу Садовой улицы и Вознесенского проспекта в начале XX века был построен Дом городских учреждений («Городской дом») со шпилем и красной башней. Среди других известных зданий подобного рода — дом Кейбеля на пересечении улиц Большая Зеленая и Барочная, доходный дом Иоффа на Пяти углах, а также дом Розенштейна — Белогруда на площади Льва Толстого. Здесь же можно упомянуть

Утраченных доминант в исторической части Петербурга довольно много

дом компании «Зингер» на углу Невского проспекта с башней, увенчанной стеклянным глобусом.

Сохранившиеся храмы Петербурга также по праву можно отнести к архитектурным доминантам города. Так, Исаакиевский собор является вторым по высоте после Петропавловского, он имеет высоту 101,5 м. За ним следуют Смольный собор высотой 93,7 м, Спас на Крови — 81 м, Троице-Измайловский собор — 80 м и Казанский собор — 71,6 м.

Несостоявшиеся, утраченные и воссозданные

Одной из несостоявшихся городских архитектурных доминант является задуманная Бартоломео Растрелли колокольня Смольного собора, которая могла бы на несколько метров превзойти высоту шпиля колокольни Петропавловского собора. «Пожалуй, это самая известная архитектурная идея из нереализованных. Ее макет сохранился в Академии художеств», — говорит Александр Кононов, заместитель председателя Совета Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИиК. По его словам, это скорее исключительная ситуация, поскольку то, что плани-

ровали построить архитекторы в Петербурге, с большой долей вероятности было реализовано. «Можно говорить об отдельных ансамблях и акцентах, которые не были воплощены в жизнь. Однако из общегородских доминант нереализованный проект Растрелли является фактически единственным», — добавляет он.

С господином Кононовым солидарен Владимир Трушковский, генеральный директор ООО «Ленстройуправление». По его словам, к формированию архитектурного облика города во времена его застройки предъявлялись жесткие требования. «Если какая-либо доминанта и не была возведена, то это связано с жесткими ограничениями по высоте застройки. Но это не касалось духовных доминант: они зачастую возводились выше и были отдельным сегментом», — указывает он.

А вот утраченных доминант в исторической части Петербурга довольно много. В основном это церкви, которые были уничтожены после революции. Также множество петербургских шпилей, в основном на доходных домах в центральной части города, не сохранилось по причине отсутствия должного ремонта и впоследствии их сноса из-за опасности обрушения.

Среди несохранившихся церквей можно выделить Спас на Сенной, Благовещенскую церковь на площади Труда, Покровскую церковь на площади Тургенева — счет идет на десятки. «В настоящее время лишь один из таких объектов возрожден — это церковь Рождества Христова на Песках, воссоздание которой скоро должно завершиться. О воссоздании других доминант пока говорить рано: церковь Спаса на Сенной, например, пока есть только в проекте», — говорит господин Кононов.

По словам Рафаэля Даянова, руководителя архитектурной мастерской «Литейная часть-91», возрождение Спаса на Сенной необходимо для того, чтобы восстановить архитектурную доминанту данного района города. «Исторически этот храм был первым, который видели при въезде в центральную часть города с Московского тракта. Спустя столетия панорама улиц почти не изменилась, но доминанта при этом все еще продолжает отсутствовать», — рассказал он.

Если же выйти за пределы исторического центра, то недавно был завершен проект восстановления церкви иконы Смоленской Божьей матери в Пулков, возведенной по проекту Кваренги. В свое время здание играло роль важной архитектурной доминанты. «Несмотря на то, что церковь была возведена в другом месте, потому как на старом месте это было сделать невозможно, здание в точности соответствует тому, что было отображено на архивных фотографиях», — подчеркивает господин Даянов. Еще одной воссоздаваемой архитектурной доминантой, расположенной не в центральной части города, а на левом берегу Невы, является храм Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость с грошиками» конца XIX века.

Если говорить о воссоздании зданий-доминант, не относящихся к храмовым комплексам, то одним из примеров может служить торговый дом «С. Эддерс и К. Схейфальс» на Гороховой, ныне — универсам «У Красного моста», где была воссоздана башня со шпилем в виде жезла Меркурия высотой 29 м. Поскольку

ни одного чертежа шпиля не было сохранено, он воссоздавался по эскизам и архивным фотографиям. «Многие считают, что шпиль универмага спорит с главным шпилем Адмиралтейства. Однако здание в нынешнем виде возвращает нас к той артикуляции, которая была задумана авторами проекта начала века», — замечает Владимир Трушковский.

Перспективы воссоздания

Новое строительство, допустимая высота, возможности реконструкции и воссоздания исторических зданий в центральной части города регулируются законом Санкт-Петербурга № 820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон». «Прописанные в законе режимы использования земель абсолютно оправданы, они позволяют сохранить центральную часть Петербурга в том виде, в котором она задумывалась ее автором — Петром I», — говорит господин Трушковский.

По мнению ряда экспертов, возможность воссоздания высотных доминант должна определяться историей места. «Нужно восстанавливать утраченные архитектурные связи, которые существовали при формировании облика города. Доминанты исторически были точками притяжения в городе и существовали практически во всех его районах. Сейчас эти связи во многом утрачены, и их необходимо восстанавливать», — подчеркивает господин Трушковский.

Эксперты сходятся во мнении, что воссоздание церквей, в любом случае, не будет иметь массового характера, поскольку в настоящее время в этом нет ни конфессиональной, ни градостроительной необходимости. По их словам, с точки зрения не градостроительства, а именно определенного ритма жизни современного города жителям вряд ли будет необходимо такое количество

храмов, какое было в дореволюционном Петербурге. «Выдающиеся здания, определявшие в прошлом градостроительный облик города, со временем будут воссоздаваться, но таких объектов не так много», — говорит Александр Кононов. С ним солидарен и Рафаэль Даянов, отмечая, что воссоздание утраченных петербургских доминант уже можно называть тенденцией.

Еще одним принципиальным моментом является то, что ряд сохранившихся фундаментов утраченных исторических доминант признан объектом культурного наследия. По словам Александра Кононова, это означает, что такие здания могут быть воссозданы на старых фундаментах, а следовательно, на них не будет распространяться 820-й закон. «В 820-м законе прописаны ограничения для нового строительства. Мы видим, что воссоздание Рождественской церкви не привело к законодательным проблемам», — поясняет градозащитник.

Говоря о диссонансе с новой архитектурой или отдельными дополнениями городской среды, эксперты уверены: основные местонахождения наиболее ценных храмов особенно не поменялись. «Я не помню ни одного случая, чтобы место бывшего храма было застроено. В основном наиболее ценные погибшие церкви сохранили либо фундамент, либо место, где они были расположены», — добавляет господин Кононов.

Владимир Трушковский напоминает, что на появление зданий-доминант в Петербурге, не вписывающихся в текущую историческую застройку, жители города зачастую реагировали негативно, поэтому вновь воссозданные здания также могут вызывать вопросы. «Важный момент: то, что изначально не понималось, потом принималось как данность. Тем более если мы говорим о восстановлении облика Петербурга, являющегося единственным в мире примером создания имперской столицы», — говорит господин Трушковский.

Мария Кузнецова

наследие

Доступ в особую среду

Строительство и реставрация православных храмов многими бизнесменами воспринимаются как разновидность меценатства и благотворительности. По сравнению с 1990-ми годами жертвователей на храмы стало меньше. Причина в том, что теперь эти траты не уменьшают налогооблагаемую базу. Зато восстановлением церквей занимаются сейчас, как считают представители РПЦ, искренне верующие люди. Политологи же говорят, что жертвования на храмы открывают бизнесу доступ в особую среду, в рамках которой есть возможность близкого общения с представителями власти и получения особых предпочтений.

— пожертвования —

В Петербурге на текущий момент действует около 300 православных храмов. Около половины из них было построено после 1991 года на деньги приходов и бизнеса. Сейчас таким же образом в городе возводятся еще около двух десятков религиозных объектов. Участки предоставляются под храмы правительством города. Также в Петербурге много исторических культовых религиозных сооружений. Далеко не все из них находятся в хорошем состоянии. Восстанавливают их на деньги как государства, так и частных бизнес-структур, меценатов и обычных граждан.

Оставить след

Активно строительством «домов божьих» в Петербурге занимаются многие крупные девелоперские компании. Иногда религиозные объекты становятся частью комплексной жилой застройки. В частности, компания «Дальпитерстрой» построила храм Благовещения Пресвятой Богородицы в Парголово, храм Воскресения Христова в Шушарах, «Строительный трест» принимал участие в создании Благовещенской церкви на пересечении Бестужевской улицы и Пискаревского проспекта, храма Святой Мученицы Татианы на Богатырском проспекте, а СК «Ростройинвест» построила и открыла придомовые храмы в своих ЖК «Александр Невский» и «Город мастеров». Основатель группы «Эталон» Вячеслав Заренков помогает строительству храмов через собственный благотворительный фонд «Созидающий мир». Так, при поддержке бизнесмена был возведен храм Спаса на Каменке, храм святого Георгия Победоносца в Купчино. Кроме того,

два года назад Вячеслав Заренков построил храм на Кипре — на территории одной из православных митрополий острова.

Представитель Фонда содействия строительству культовых объектов РПЦ Филипп Грибанов отмечает, что в Петербурге многие бизнесмены стремятся оставить след в истории и поэтому вкладывают деньги в проекты, которые далеки от повседневной жизни. «Многие бизнесмены занимаются восстановлением и строительством церквей из личных религиозных убеждений, для них православная вера — неотъемлемая часть жизни. К вопросам религии можно относиться по-всякому, но для очень многих людей они несут важный глубинный позитивный смысл. Поэтому построить или восстановить храм — это создать некую вечную ценность, которая не только будет отражать личные убеждения человека, но и станет частью архитектурного облика города, вкладом в архитектуру и православную культуру», — считает господин Грибанов.

Схожая позиция и у аналитика ГК «Финам» Алексея Корнеева. «В большинстве своем подобное строительство или реконструкция культовых учреждений, включая храмы, монастыри, часовни, — это личная инициатива отдельных людей, которые чувствуют в этом внутреннюю потребность и обладают соответствующими ресурсами. Это типичное меценатство, и ничего предосудительного в этом нет. Подобная практика существует практически во всех странах мира, была она и в России. Причем не важно, о каких эпохах и временах идет речь. Обсуждаем ли мы православные храмы или памятники Ленину — и в XX, и в XXI веке находятся люди, которые готовы за свои

В Петербурге многие бизнесмены стремятся оставить след в истории и поэтому вкладывают деньги в проекты, которые далеки, по их мнению, от повседневной жизни

денег поставить памятник вождю мирового пролетариата, потому что считают для себя его своеобразным кумиром», — высказывается эксперт.

Пропуск наверх

По мнению управляющего партнера Mitsan Consulting Дмитрия Желнина, в настоящее время, по сравнению с 1990-ми и началом «нулевых», бизнес стал чуть менее активно заниматься строительством и реконструкцией религиозных объектов. «После развала СССР, на заре частной собственности на землю в новой России прослеживалась тенденция активных капитальных вложений в данную сферу. Это было вызвано общей неразберихой в стране при изначально гарантированном льготном налогообложении. Коммерческим организациям также выгодны были вложения в религиозную сферу в качестве благотворительности, так как такая помощь и такие затраты уменьшали налогооблагаемую прибыль. Сей-

час такой возможности уже нет», — напоминает он.

По мнению директора Института современного государственного развития, политолога Дмитрия Солонникова, вкладывая деньги в храм, участники строительного бизнеса получают доступ в особую среду. В ее рамках есть возможность близкого общения с представителями власти, с представителями других структур, которые уже пожертвовали деньги или собираются это сделать. «Можно сказать, что это элитарный клуб по интересам. При этом в самом хорошем смысле. Тем более что данное социальное направление сейчас поддерживается и поощряется государством. Во многом отсюда и строится стремление быть причастным. Это не мода, но тренд», — считает политолог.

Как ни странно, частично с его доводами согласен и представитель РПЦ, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института, священник Георгий Кочетков. По его словам, мотивы некоторых представителей бизнеса, занимающихся строительством храмов, связаны с получением тех или иных предпочтений от власти, которая с помощью денег бизнеса стремится выглядеть традиционной и

православной и хочет обеспечить себе поддержку электората. Есть и искренне верующие бизнесмены, которые вкладываются в строительство храмов и сохранение памятников. «Таковых немного, ведь еще из Евангелия мы знаем, что Мамона легко заставляет служить себе, а не Богу и не ближнему. Да, в Российской империи были состоятельные христиане-предприниматели, которые служили церкви и русской земле. Но пока эта традиция не вернулась, исключения слишком редки», — отмечает он.

Деликатный вопрос

По словам Георгия Кочеткова, также важно, чтобы представители бизнеса, органов власти, общественности и РПЦ деликатно решили вопрос о месторасположении того или иного нового храма, чтобы не было конфликта, подобного тому, который недавно произошел в Екатеринбурге. «Проблема решается только одним способом. Церковь, христиане должны научиться жить вместе и жить на свои средства. То и другое в наших людях было вытравлено после 1917 года. В церкви должны появиться и даже уже появляются свободные объединения верующих, независимые, в том чи-

сле финансово, это духовные союзы, общины, братства. Пусть люди собираются и сами решают, где и какой им построить храм, как они будут его содержать. Истинная вера и благочестие лучше растут не сверху, а снизу», — подчеркивает священник.

По мнению Алексея Корнеева, основной проблемой, приводящей к конфликтам между местным населением и региональными властями из-за строительства религиозных сооружений, является не плохое отношение россиян к православии, католицизму или исламу как таковым, а недоверие к властям. Люди, что в провинции, что в столицах, уже настолько привыкли к тому, что им на каждом шагу врут, что относятся с недоверием к любым инициативам местных властей. При этом нарочито навязывание некоторых положений, касающихся культовых и религиозных направлений, все чаще вызывает у многих наших сограждан раздражение, так как россияне, в том числе и верующие, понимают, что под соусом заботы об идентичности народа и исповедуемой в регионе религии власти пытаются навязать искусственно создаваемую «национальную идею».

Артем Алданов

Спасти и сохранить

— меценаты —

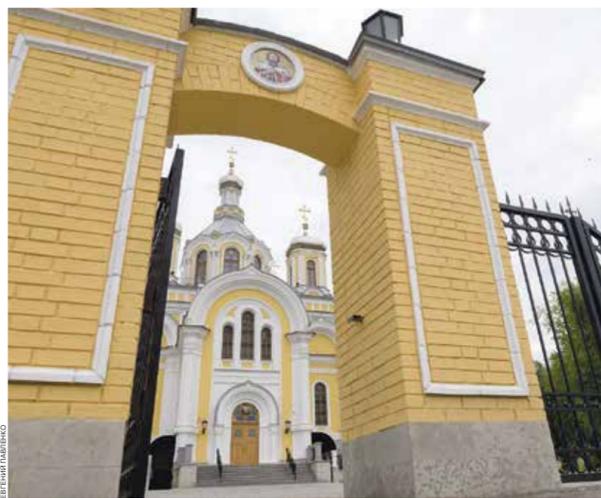
Бюджетные ограничения не позволяют властям Петербурга отреставрировать одновременно максимальное количество объектов культурного наследия (ОКН). Частично спасают ситуацию представители бизнеса, которые помогают восстанавливать памятники архитектуры.

В настоящее время в Петербурге 9 тыс. зданий, сооружений, архитектурных ансамблей являются объектами федерального или регионального культурного наследия. Приблизительно половина из них находится в неудовлетворительном состоянии и нуждается в реставрации. По оценке экспертов, на проведение однодневных работ по ОКН городу требуются до 100 млрд рублей. Однако ни Смольный, ни Министерство культуры РФ не готовы такие деньги выделить. Поэтому реставрационные работы проходят в плановом порядке, ориентируясь на бюджетные возможности, которые как у города, так и у ведомства ограничены.

По всем сегментам

В этом году, по данным КГИОП, в Петербурге проводится реконструкция 64 объектов исторического наследия. В значительной степени — это продолжение работ начатых ранее, так как они очень масштабны. Среди реставрируемых объектов и весьма знаковые. Это Казанский собор, храм Спаса на Крови, буддийский дацан. Также продолжается реставрация дворца Юсуповых, дома Половцева, дома Монферрана.

Некоторые объекты были завершены в этом году. Так, в июле после длительной реконструкции открылась к своему 125-летию церковь

В настоящее время в Петербурге 9 тыс. зданий, сооружений, архитектурных ансамблей являются объектами федерального или регионального культурного наследия. Приблизительно половина из них находится в неудовлетворительном состоянии и нуждается в реставрации

Кроме того, весной этого года завершилась реставрация Золотых ворот в музее-заповеднике «Царское Село». Финансировались работы Министерством культуры РФ. Последний раз реставраторы работали над этим объектом, созданным по проекту Франческо Растрелли и Саввы Чевакинского, более 50 лет назад.

Инвестиционный интерес

Достаточно активно восстановлением объектов культурного наследия в Петербурге занимаются и представители бизнеса. Тем самым они вносят свою лепту в сохранение архитектурного облика города. Несколько недель назад была завершена реставрация дачи Гаусвальда на Каменном острове. В ее интерьерах в свое время снимали популярный телефильм «Приключения Шерлока Холма и доктора Ватсона». В постсоветское время здание перешло во владение одной

из частных фирм, долгое время не отапливалось, стало разрушаться и было почти приговорено к сносу. В 2017 году дачу Гаусвальда приобрела одна из структур бизнесмена Олега Дерипаски. В реконструкцию нового собственник исторического объекта вложил 500 млн рублей. Сообщается, что во время реставрации специалисты обнаружили на здании деревянные элементы оливкового цвета. На основе этого объекту вернули его исторический оттенок.

В прошлом году завершилась реставрация за счет средств бизнеса исторического комплекса «Никольские ряды». Он был выкуплен частными инвесторами в 2010 году. Длительное время реставрационные работы не могли начаться из-за замены проектных решений. В исторический объект было вложено 3,3 млрд рублей. Сейчас в Никольских рядах размещаются гостиницы и кафе.

В сентябре должны пройти первые торги по программе Смольного «Памятник за рубль». В ее рамках предприниматель сможет получить в аренду на 49 лет по льготной ставке в 1 рубль за квадратный метр объект культурного наследия в обмен на его реставрацию. В рамках первого конкурса выставлены на торги «Особняк-контора и здание библиотеки Колобовых» на Большой Зеленина, а также «Александровские ворота Охтинских пороховых заводов» на улице Химиков. Оба здания в настоящее время находятся в неудовлетворительном состоянии. Ожидается, что до конца года по программе «Памятник за рубль» будут проведены торги по аварийным ОКН в Пушкине, Петергофе и Сестроречье.

По словам генерального директора компании «Рус ФСП» Юрия Стриганова, без поддержки бизнеса

город не справится с реставрацией объектов культурного наследия. Их очень много, и они уникальны. «Сами же форматы участия бизнеса в восстановлении ОКН могут быть очень разными. Это может быть передача исторического объекта определенной компании в долгосрочную аренду с условием его дальнейшей реставрации. Также может быть передача его в собственность с теми же обязательствами. Можно продумать и другую схему, главное, чтобы было выгодно как властям, так и бизнесу. Поэтому очень важно этот вопрос тщательно отрегулировать. Отрадно также, что многие бизнесмены сейчас восстанавливают исторические объекты не ради коммерческого интереса, а в благотворительных целях, в том числе через сообщества единомышленников», — отметил он.

Восстановить сообщца

По мнению представителя Фонда содействия строительству культовых объектов РПЦ Филиппа Грибанова, без благотворителей, меценатов к настоящему времени были бы утрачены многие памятники архитектуры, которые сегодня стали частью городского ландшафта.

По его словам, в настоящее время фонд за счет пожертвований граждан и компаний занимается восстановлением двух храмов. Первый объект — церковь Пресвятой Троицы (Троицкий храм) в составе выявленного объекта культурного наследия «Киновия Александровской лавры» на Октябрьской набережной. К моменту начала реставрации в 2015 году храм находился в аварийном состоянии. При реконструкции объекта были сохранены существующие фундаменты, исторические капитальные стены в уровне подвального этажа и основной объем здания. Позд-

нейшие советские железобетонные перекрытия были демонтированы. Завершение работ и сдача храма запланированы на осень 2019 года.

Второй объект — церковь Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радости с грошиками» на проспекте Обуховской Обороны. Данный храм имеет очень сложную историю. Он горел, его взрывали. В 2012 году уцелевшие подвал и фундамент храма были признаны ОКН регионально-го значения. В 2015-м начались работы по проектированию, а спустя два года и воссоздание церкви на существующем фундаменте по архивным чертежам и фотографиям. В настоящее время капитальное строительство практически завершено. Приблизительно полтора-два года потребуются на монументальную живопись и изготовление иконостаса.

По словам Филиппа Грибанова, воссоздавать памятник архитектуры сложнее, чем просто капитальное строительство, так как это влечет за собой ряд ограничений и еще большую законодательную зарегулированность. «Кроме того, объекты, требующие реставрации, относятся к XVIII, XIX векам и к началу XX века. И чтобы сохранить их истинный дух, необходимо максимально восстанавливать по тем технологиям, материалам, с помощью тех же средств, которые использовались на момент строительства. Мы знаем, что есть такое страшное слово «новоед»: казалось бы, восстановили, но это далеко от исторической правды. Деликатный подход к воссозданию исторических памятников, жесткое следование законодательству и профессионализм — вот составляющие правильного подхода к реставрации и воссозданию», — подчеркнул господин Грибанов.

Артем Алданов